

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

День затмения

Аркадий и Борис Стругацкие

День затмения

«Наследник Стругацких»
«Автор»

Стругацкие А.

День затмения / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
«Автор»,

© Стругацкие А.
© Наследник Стругацких
© Автор

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, Павел Кадочников

Дни затмения

Жара.

Раскаленный воздух дрожит над выгоревшим пористым шифером крыш, над размягчившимся асфальтом прямых пустынных улиц. В жарком мареве колышутся бледно-желтые стены сейсмостойких домов, редкие колючие деревья, заросли телеантенн над домами. Улицы пусты, город словно бы заброшен.

Вот на панель выбежал из пыльного палисадника еж, большой, ушастый. Повел носом, поджался я кинулся прочь, оставляя на асфальте цепочку вдавненных птичьих следов.

И тихо. Только подвывают – почти мелодично – торчащие из окон мелкорребристые ящики кондиционеров, истекающие струйками водяного конденсата.

Жара.

Дмитрий Алексеевич Малянов, полнеющий мужчина лет тридцати с небольшим, сидел в одних трусах за столом и довольно бойко перепечатывал на машинке свою статью. В комнате стоял желтоватый от задернутых штор сумрак, было жарко, душно и накурено. Волосатый торс Малянова и небритая его физиономия покрыты крупными каплями пота. На столе дымилась последним окурком набитая до отказа пепельница, горой лежали справочники, свернутые в трубку чертежи и графики, папки с бумагами, картотечные ящики.

Впрочем, Малянов чувствовал себя отлично. Он тархтел клавишами, вслух зачитывал избранные абзацы, время от времени затягивался окурком и что-нибудь поправлял в рукописи. Он работал и был доволен своей работой. Жары и духоты он не замечал.

– Из уречения четырнадцать, – диктовал он сам себе, – к системы неравенств семь легко видеть... легко видеть...

Очевидно, видеть было не легко, потому что Малянов прекратил печатать текст, взял листок черновика и глубоко над ним задумался.

Грянул телефон.

– Легко видеть! – сказал Малянов телефонному аппарату.

Телефон гремел. Малянов взял трубку.

– Это база? – осведомился квакающий телефонный голос.

Малянов высоко задрал брови и вытянул толстые губы дудкой.

– А вам какую именно? – вкрадчиво поинтересовался он. – У нас здесь, знаете ли, военно-воздушная. Интересует?

– Чего? – квакнул голос недоуменно. – Это ты, что ли, Печкин?

– Какой я Печкин? Я Спичкин! – провозгласил Малянов и повесил трубку.

– Легко видеть... – снова пробормотал он, глядя в листок.

Телефон зазвонил опять.

– Спасу нет от вас, – сказал Малянов аппарату, вылез из-за стола и, подсмывнув трусы, прошел на кухню. Там он опустился на корточки перед холодильником и отворил дверцу. В холодильнике было пусто, если не считать мятой алюминиевой кастрюли да крошечного кусочка сала, устроившегося на зимовку в морозильнике среди сугробов инея.

Телефон все звонил.

Малянов захлопнул дверцу холодильника и все тем же манером вернулся к письменному столу. Действовал он совершенно механически – глаза его были обращены вовнутрь, губы шевелились.

Он взял трубку.

– Да?

– Это комиссионный? – спросил другой голос, скорее даже приятный.

– Да, это комиссионный, – проговорил Малянов без всякого выражения.

– Скажите, пожалуйста, моя вещь продана?

– Да, ваша вещь продана.

– Можно получить деньги?

– Можно. Можно получить.

– Огромное спасибо! Сейчас приеду!

– Приезжайте-приезжайте... – пробормотал Малянов, кладя трубку. Он покопался в хаосе на столе, развернул черновой график на миллиметровке и погрузился в лето.

– Ничего себе – легко видеть! – произнес он с горечью.

Снова зазвонил телефон.

– Пошел к черту! – сказал ему Малянов. – К дьяволу тебя. К свиньям. К собачьим. К свинячьим... – мысли его были далеко.

Телефон замолк ненадолго, потом зазвонил опять. Малянов снял трубку.

– Алло.

– Димка? Это Захаров говорит. Ну как ты там? Нетленку лепишь?

– Нетленку, нетленку... Чего тебе надобно, Захаров?

– А что так не приветливо?

– Слушай, отец. Я специально отпуск взял. За свой счет. Чтобы поработать как следует.

В приятном далеке. Так ведь нет же!..

– Ну извини. Я хотел узнать, ключ от восемнадцатой не у тебя?

– Нет, не у мехи. На доске ищи, в проходной.

– Я искал, там нет...

Брови Малянова пошли вверх, губы вытянулись дудкой.

– Так ты что же, отец, хочешь, чтобы я работу свою бросил, вернулся из отпуска и все для того, чтобы найти тебе ключ?

– Ну ладно, ладно! Ну извини. Тут, понимаешь, слух пронесся, что тебе предложили филиал и ты нас покидаешь.

– Не верь.

– А я и не поверил.

– Но, однако же, решил проверить.

– Так если вся контора гудит! Малянова академик вызывал, Малянову филиал дают, Малянов уходит...

– Все правильно, Захарыч, но я отказался.

– Ну и дурак.

– Тебя не спросили... – сказал Малянов и повесил трубку.

Он стоял в ванной и ждал. Смеситель трясся, грозно рычал, хрипел, плевался брызгами. В ванне воды не было и наполовину. Водопровод в последний раз заворчал на весь дом и затих окончательно.

Тогда Малянов нагнулся над ванной и принялся ополаскиваться. При этом он брызгался и рычал – почти как водопровод. Пока он вытирался обширным полотенцем, в комнате опять зазвонил телефон.

– Это родильный дом? – нарочитым басом спросил Малянов у полотенца и сам себе ответил тоненьким голоском:

– Нет, это зоологический магазин. – И снова басом: – А можно у вас купить красные кровяные тельца? – И снова пискляво: – Нет, у нас в продаже только желтые, синие и зеленые...

Не помогло. Телефон надрывался. Широко шагая, Малянов вернулся в комнату и схватил трубку. Сыроватые его волосы сбились в косматый колтун, и он стал похож на толстую, не совсем нормальную ведьму.

– Вторая образцово-показательная психиатрическая клиника! – объявил он и, поскольку трубка молчала в ошеломлении, добавил: – В чем дело, клиент? Сообщите ваш адрес!

– Дима, это ты? – осторожно осведомился низкий размеренный голос.

– Да... Это кто?

– Вечеровский. Здравствуй.

– Тьфу ты, дьявол! Извини, Фил. С утра, понимаешь, наяривают...

Раздался звонок в дверь – длинный и настойчивый.

– Ч-чер-рт! С цепи сорвались, ей-богу! Подожди минутку, Фил, теперь в дверь наяривают...

– Дима! Стой!..

Но Малянов уже бросил трубку на стол в груды бумаг, а сам устремился в прихожую.

– Дима, алло. Дима, Дима, алло. Дима... – монотонно повторяла брошенная трубка.

На кухонном столе возвышалась среди недопитых стаканов с чаем внушительная картонная коробочка, обклеенная тонкими полосками липкой ленты. Из-за коробочки выглядывал плюгавый мужичонка в кургузом пиджачке неопределенного цвета, небритый, потный и несчастный видом. Он искательно улыбался и протягивал Малянову обширные квитанции, переложенные фиолетовой копиркой. Малянов квитанции отвергал.

– Ты способен понять, отец, что я ничего не заказывал? – втолковывал он плюгавому.

– Ну, может, жена заказывала... – лепетал плюгавый.

– Нет у меня жены! Два года, как нет! И денег у меня нет и никогда не было – такие заказы делать!

– Так денег же и не надо! – оживился плюгавый. – Запложено!

И точно, наискосок по квитанциям шла большими фиолетовыми буквами надпись: «Оплачено».

– Отец! Это ошибка какая-то!

– Не может быть никакой ошибки. Распишитесь вот тут...

– Отец! Из своего кармана вложишь!

– Расписывайтесь, расписывайтесь...

Малянов расписался, и плюгавый тотчас выхватил у него из рук квитанцию и упрятал ее за пазуху. Потное лицо его выражало теперь полнейшую растерянность – он словно перестал понимать, где находится, почему и зачем. Он воровато оглядел кухню, втянул голову в плечи и принялся пятиться, глядя на Малянова исподлобья.

Малянов тоже оглядел кухню, но ничего особенного в ней не обнаружил.

– Гос-споди... – слабо проскрипел вдруг плюгавый и опрометью кинулся вон. Ахнула входная дверь, что-то просыпалось за обоями, и стало тихо.

– Ну и денек, – сказал Малянов и посмотрел на коробку.

– Оказывается, коробочка успела за это время покрыться инеем. Иней неестественно сверкал на солнце, над коробкой дымился парок. Малянов решительно разорвал картон и, выкативши глаза, извлек на свет громадный полиэтиленовый пакет с глубокомороженным вареным омаром, пламенеющим красно-коричневым панцирем.

Малянов грохнул на стол окаменелое членистоногое, схватил квитанцию и принялся заново изучать ее.

А день потихоньку катился на убыль, но солнце стояло еще высоко. Воздух над городом раскалился до предела. Все живое замерло, расплзлось, попряталось...

По кривым узким улочкам старого города, мимо раздражающе, ослепительно белых глинобитных домиков, пыля брезентовым верхом, катился грязно-зеленый УАЗ-469, в просторечии именуемый «газиком».

Очередная улочка вывела его на довольно широкую дорогу, и по сторонам пошли новые здания – дома, выстроенные в период так называемых архитектурных излишеств, и странные дома в восточном стиле – рядом с ними особенно нелепо выглядели серые корпуса производственных зданий с блеклыми разводами на глухих бетонных стенах.

Коротко остриженный лопухий мальчишка-шофер переключил скорость, и газик, завывая коробкой передач, резво покатился в гору. Выскочив на холм – город сверху казался совершенно покинутым, – шофер лихо заложил вираж, и машина на хорошей скорости понеслась под уклон... Поворот, еще поворот, открылась новая улица, уставленная однообразными аккуратными пятиэтажными домами, у подъезда одного такого дома газик затормозил.

Пассажир распахнул дверцу и неторопливо выбрался наружу, стараясь не слишком испачкаться о пыльный борт. Он был высок ростом и вообще обширен во всех своих измерениях. Все у него было крупное, массивное – руки, ступни, мясистое грубое лицо, изуродованное старыми шрамами и ожогом.

Он осторожно огляделся – довольно странное движение, совсем, казалось бы, этому человеку не свойственное, – и скользнул взглядом по фасаду дома. В окне второго этажа виднелся Малянов, сидящий на подоконнике. Седой человек приветствовал его, поднявши растопыренную пятерню, Малянов с готовностью ответил ему тем же.

Он сидел на подоконнике. Солнце уже ушло в другую сторону дома, и шторы теперь можно было раздернуть. В руке Малянов держал гигантский бутерброд, пышно разукрашенный зеленью. Зелень торчала во все стороны, и, откусывая от бутерброда, Малянов погружался в эту зелень, как лошадь в сено.

– ...Представляешь? – говорил он, не переставая жевать. – Моам? Муам... И причем жратва первоклассная! Омары, например. Кстати, ты не знаешь, что с омарами делают?

Сидя в единственном кресле, его внимательно слушал Филипп Вечеровский, элегантный, как дипломат на приеме, в великолепном костюме, ослепительной сорочке... галстук единственно возможной расцветки... запонки... в руке трубка, и, разумеется, не какое-нибудь там ширпотребовское барахло за три пятнадцать, а настоящий «Данхилл» с белой точкой. Бледное вытянутое лицо его было непроницаемо спокойно, белесые ресницы помаргивали.

– Знаю, – сказал он, и это прозвучало, как приговор.

– Это я и сам знаю, – сказал Малянов. – Но как его приготовить? Он же, подлец, глубокозамороженный...

За окном Малянов видел лопухого мальчишечку-шофера и седого человека с изуродованным лицом. Они стояли возле газака и разговаривали, причем седой поминутно и очень неумело озирался по сторонам. Оба – в черных мешковатых костюмчиках и в старомодных бобочках с отложными воротничками. Седой держал в руке объемистый кожаный портфель.

– Дима, – сказал Вечеровский, помолчав, – это правда, что тебе предложили филиал?

– Да. А ты откуда знаешь? Уже и до твоего, значит, института...

– Ты согласился?

– Нет.

– Почему?

Малянов отвернулся и стал смотреть в окно. Седого уже не было около газака. Шофер в одиночестве стоял, рассматривая обширную грязную тряпку, которую держал, расправивши перед собой. Потом он пошел вокруг машины, отряхивая от пыли брезентовый кузов.

– Не хочу, – сказал Малянов, все еще глядя в окно. – Я, извините за выражение, ученый. Я не хочу быть директором.

– У тебя не осталось идей?

– У меня есть идеи, Фил. Именно поэтому я не хочу превращаться в администратора. Пока что-то еще шевелится здесь... – от стукнул себя кулаком в потный лоб. – Пока еще не омертвело напрочь...

– Насколько я знаю, филиалу будут выделены большие деньги. Это задумано как очень серьезное предприятие, и человек, имеющий идеи...

– Ты, кажется, тоже вознамерился уговаривать меня, как девку красную.

– Нет. Я просто хотел бы понять, почему ты отказался.

Малянов смотрел, как шофер, прекративши пыльное свое занятие, заталкивает тряпку за противотуманную фару. Седой вышел из парадной и двинулся к машине. Портфеля с ним не было – он держал подмышкой толстенную ядовито-зеленую папку. Вторая папка, тоже зеленая, по еще более толстая, висела у него в авоське в другой руке. Шофер кинулся ему помогать, они погрузились в автомобиль и уехали.

– А черт его знает, почему я отказался, – проговорил наконец Малянов.

– Зло взяло. Какого дьявола? В прошлом году о Малянове и разговаривать не хотели – молод, видите ли, недостаточно зрел и вообще – участник бракоразводного процесса. Ладно, отцы! Я на это наплевал и забыл. А теперь вот, когда у меня самое что ни на есть пошло... Ты помнишь, я тебе рассказывал про полости макроскопической устойчивости?

– Полости Малянова? – сказал Вечеровский, усмехнувшись.

– Ладно-ладно! Нечего!.. Так вот, я доказал, кажется, что они существуют. Ты понимаешь, что это означает и что отсюда следует?

– Откровенно говоря, не совсем.

– Не совсем!.. Я и сам еще не совсем понимаю, но я тебе гарантирую, что это – новая теория звездообразования как минимум, а может быть, я вообще самая общая теория образования материи в физическом понимании этого слова. Сечешь?

– Секу помаленьку, – сказал Вечеровский. Он произнес эти слова так, как мог бы их произнести просвещенный дворянин девятнадцатого века.

– Это – нобелевка, отец! – сказал Малянов, выкатывая глаза и понизив голос. – Это нобелевкой пахнет! А они хотят, чтобы я все бросил и занялся ихним дурацким филиалом? Да гори он огнем! Я и без всяких филиалов работать не успеваю. Отпуск взял. Представляешь, за свой счет. Чтобы никакая собака не мешала. Нет же – звонят с утра: почему не хочешь быть директором? И вообще все как с цепи сорвались – телефон обезумел, дядьки какие-то прутся с доставкой на дом...

Вечеровский немедленно встал, и Малянов спохватился:

– Стой! Я же не про тебя, Фил!.. Давай, кофейку сейчас сварганим...

– Спасибо, нет... Да и не умеешь ты кофе варить, если откровенно...

– Ну ты заваришь! По-венски, а? А потом омара будем тушить. С картошкой!

Но Вечеровский уже неудержимо продвигался к двери.

– Я ведь, собственно, забежал к тебе на минутку. У меня же еще лекция сегодня... Да, кстати, фамилия Снеговой тебе ничего не говорит?

– Арнольд Палыч? – удивился Малянов. – Он вот в той квартире живет. Дверь дерматином обита.

Они стояли на пороге маляновской квартиры и через лестничную площадку смотрели на обитую дерматином дверь. Потом Вечеровский проговорил медленно:

– Вот как?

– А в чем дело? – спросил Малянов. Реакция Вечеровского была ему непонятна и показалась странной. – Он тебе нужен? Так он уехал только что, я видел в окно...

Вечеровский пару раз моргнул, все еще глядя на дерматиновую дверь, потом спросил:

– А кто он, собственно, такой?

– Инженер, по-моему. А что?

– А где работает?

– Не знаю. Кажется, на объекте. Знаешь объект на Южном мысе? По-моему, там. А что случилось, Фил?

– Где? – странно спросил Вечеровский, обратив наконец на Малянова свои белесые глаза. Малянов от такого вопроса смешался, и Вечеровский, отдавши ему что-то вроде чести указательным пальцем, направился к лестнице.

Малянов работал. Пишмашинка с вставленным полуисписанным листом стояла теперь на полу в стороне. Ее место на столе занял микрокалькулятор, и Малянов, нависая над ним, пыхтя и обливаясь потом, пальцем левой руки набирал программу, считывая ее с длинного листка бумаги. Набрал, запустил счет. Калькулятор замигал красным окошечком дисплея, а Малянов удовлетворенно откинулся на спинку стула, отдуваясь и слизывая пот с верхней губы.

Затрещал телефон. Малянов приподнял к тут же опустил трубку жестом совершенно механическим.

За окном уже надвигался вечер. Люди появились на улице. У подъезда на скамеечке сидели неподвижные черные старухи. Жара спадала. Медно-красное солнце тяжело висело над голыми скалами-сопками, окружившими город.

Малянов быстро писал формулы, строчка за строчкой, густо, ровно, как по линейке. Потом вывел с особой тщательностью: «*Легковидеть*». Обвел рамкой. Второй. Третьей... Нервно захихикал, подпрыгивая на стуле. Застыл с идиотской улыбкой, выкатив невидящие глаза.

– Легко видеть! – провозгласил он.

Голос у него был хриплый, и он откашлялся. Телефон брякнул неуверенно. Малянов строго посмотрел на него и сказал:

– Теперь, на самом деле, надо насчет пучностей уточнить... На самом деле, насчет пучностей чушь какая-то у нас получилась, Малянов... – Он принялся перебирать листочки, разбросанные по столу и по полу. – «Отсюда ясно...» – прочитал он. – Вот тебе и ясно. Ясно, что ничего не ясно...

И тут раздался звонок в дверь.

За порогом квартиры стояла понуро, словно отбывая некое неведомое наказание, нескладная молоденькая девица в унылой длинной юбке и затрапезной кофте неопределенного фасона. Испуганные слегка косящие глаза за толстыми стеклами очков. Костлявые лапки прижимают к животу тоскливого вида ридикуль. И возвышается у ног чудовищный полуторный чемодан, обвязанный белой бечевкой...

Малянов, свирепо хмурясь и играя желваками, еще раз перечитал записку.

– Узнаю свою первую жену, – произнес он с горечью.

– Она сказала, что вы будете только рады... – пролепетала девица.

– Ну еще бы! – сказал Малянов саркастически. – «Она тебе оч. понрав.», – процитировал он из записки. – Это вы. Вы мне оч. понрав.

– Да... – угасающим голосом проблеяла девица. – Но я не буду мешать.

Малянов глянул на нее почти злобно, но тут же спохватился. В сущности, он был человек добрый и склонный к сочувствию.

– Ладно, – сказал он. – Победила дружба. Заходите. Лидочка?

– Да, – сказала девица, счастливо заулыбавшись. У нее даже глаза за очками увлажнились подозрительно. Она подхватила свой чудовищный чемодан и двинулась вперед. Малянов еле-еле успел чемодан перехватить.

– Ого! – крикнул он. – Что у вас там? Походная библиотека? Нет, вот сюда, налево...

Он почти протолкнул растерявшуюся Лидочку в бывшую детскую.

Здесь в углу пестрели заброшенные и забытые игрушки. Стены были увешаны яркими детскими картинками. Кое-где темнели квадраты невыгоревших обоев – там, где какие-то картинки были сняты...

Малянов грохнул чемодан в угол и приказал Лидочке сесть. Она поспешно и послушно опустилась на кушетку, глядя на Малянова овечьим взглядом.

– Спать будете здесь! – распорядился Малянов. – Окно можете открыть. Белье – в шкафу. Сортир – налево за углом. Найдете. Ванна там же. Очень удобно. Я буду работать. Пока я работаю, в доме должна дарить абсолютная тишина. Ваша подруга, она же моя первая жена, этого не понимала, поэтому я ее выгнал. Сечете?

В косеньких глазах появился ужас. Малянову это очень понравилось.

– Можете лежать, сидеть, читать. Можете играть вот с тем зайцем. Но тихо! Никакой беготни, никаких этик считалок, песенок и та да...

Внезапно чудовищный чемодан поехал сам собою по полу и повалился набок. Загудело за окном. Качнулась люстра. Лидочка ошеломленно ойкнула и вцепилась обеими руками в кушетку.

– Спокойно! – сказал Малянов – Это маленькое землетрясение. В вашу честь. У нас тут бывает... А завтра ожидается даже небольшое солнечное затмение. Тоже – в вашу, как я понимаю, честь...

За окном было уже совсем темно. Малянов включил настольную лампу и сидел за столом, положив волосатые кулаки на обе стороны от чистого листка бумаги, набычившись, выдвинув челюсть, лаки по обе стороны от чистого листка словно собирался наброситься на кого-то, кто сидит по ту сторону стола. Но там никого не было. И в комнате никого не было. Дверь закрыта. Слышно, как ворчит вода в ванной и позвякивает посудой Лидочка на кухне. Потом там раздается отчаянный сдавленный вопль, дребезг стекла, и наступает мертвая тишина.

Малянов вздрогнул и посмотрел на закрытую дверь. Выражение лица его переменялось. Он вытянул губы дудкой, повел носом, как всегда, когда намеревался сострить, но тут же забыл обо всем, схватил фломастер и нарисовал на листке жирный красный контур, а на контуре – стрелку. Взял другой фломастер – зеленый. Рядом со стрелкой красиво вывел е. Откинулся на спинку, чиркнул спичкой, закурил удовлетворенно, но тут скрипнула дверь и Лидочка, просунувшись в комнату половинкой жалкой физиономии, пролепетала горестно:

– Дмитрий Алексеевич, я чашку разбила.

– Как! – театрально провозгласил Малянов, развлекаясь. – Еще одну?

– Да. Синюю. С корабликом.

Малянов встал.

– Черт побери! – сказал он уже без всякой театральности. – Извините, Лидия, но вы все-таки поразительная корова!

– Я нечаянно, Дмитрий Алексеевич!..

Малянов проследовал на кухню. Стол там был накрыт к ужину, и со вкусом. Кушанья разложены по тарелочкам. Салат. Зелень. Капельки воды весело искрились на свежeweымытой редиске...

А на углу стола лежала синяя чашка в трех частях. Малянов взял в руки одну из частей и бережно покрутил ее в пальцах. Взял вторую. Попытался сложить. Части сложились охотно, и образовалась золотистая надпись: «...ому папе на день рожде...»

Малянов посмотрел на Лидочку. Та обессиленно опустилась под его взглядом на табуретку, и поза ее выразила такое отчаяние, что он смягчился.

– Ладно уж, – сказал он. – Долой сантименты! Где ведро?

– Не надо в ведро, – сказала Лидочка. – Я сама склею.

– С вашими способностями вам знаете, что надо склеивать?

– Не знаю, – сказала Лидочка отчаянно. – Я вам еще доску расколола.

– Какую доску?!

– Деревянную. Для хлеба.

Малянов картинно развел руки.

– Ну это уже все! – провозгласил он. – Вызываю специалиста. Пора.

– Не смейтесь! – сказала Лидочка. – Ничего смешного здесь нет! Вы просто ничего не понимаете... Вы как каменный... Шуточки, прибауточки, а глаза – мертвые, пустые, и весь вы там... – Она ткнула пальцем в сторону кабинета. – С вашими дурацкими проклятыми формулами!.. Вы же не соизволили узнать меня. Я для вас сейчас чучело гороховое, посмешище, а тогда ухаживали, руки целовали... цветы...

Малянов не глядя нащупал стул и уселся.

– Какие цветы? – сказал он растерянно. – Когда?

– Четыре года назад. В Гаграх. Вы еще ходили в такой желтенькой рубашке с надписью «Дельта сайнс фикшн»... – Она вдруг улыбнулась сквозь слезы. – Домните, как вы меня тогда дразнили: «Лидия! Отвратительная мидия!..» Мы с вами мидий собирали и варили из них похлебку с луком. Ну неужели вы совсем ничего не помните?!

Малянов, растерянно таращивший на нее глаза, не успел ничего ответить, потому что в дверь забарабанили и затрезвонили разом, будто целая толпа хулиганов рвалась в квартиру, но оказалось, что это всего-навсего один тощий старикашка – сосед с нижнего этажа.

– Вы что тут – с ума все сошли! – ужасным фальцетом вопил он. – Ведь у меня же там все затопило! Что вы тут делаете? Куда смотрите? Потолок же обваливается... обои! Книги!..

Малянов метнулся в ванную. Ванна была переполнена, на полу – по щиколотку воды. Горячей. С паром.

– Лидия! – загремел Малянов. – Ведь я же предупреждал вас, что сток не работает!..

Он схватил тряпку, пустое эмалированное ведро и шагнул в ванную.

Он собирал воду тряпкой и отжимал ее в ведро. Она работала мусорным совком и довольно ловко. Оба они были мокрые от пота, воды и пара, а старикашка реял над ними, не переставая браниться и жаловаться.

– Надо быть самой фантастической коровой...

– Не предупреждали вы меня! Не предупреждали и все!

– Самой надо соображать! Самой! Голова вам на что?

– Нет, таких людей нельзя селить в современном доме! (Это уже старикашка.) Это же дикие люди! Таким надо жить в деревне, в кишлаке... Ив шайки мыться!..

– Я вам говорил, что струя слишком сильная?

– Нет, не говорили!

– Я вам...

– Не говорили, не говорили, не говорили!!!

– Из шайки, из корыта мыться, но не в ванне...

– Второе ведро возьмите, я вам говорю! В кладовке!

– Откуда мне знать, где тут у вас кладовка!..

– Нет, я все понимаю! – это – старикашка. – Я сам интеллигентный человек. Но ежегодно устраивать потоп... Ежегодно!

И звенит совок о край ведра, и всхлипывает залитая слезами Лидочка, и ужасно кряхтит Малянов, ползая на коленках по мокрому кафелю пола.

Малянов стоял над своим рабочим столом, тщательно утирался большим махровым полотенцем и тупо рассматривал огненно-красный контур на чертеже, забытом да столе. По всей квартире было натоптано мокрыми ногами, входная дверь распахнута настежь, гремел мусоропровод с лестницы, и доносились из кухни душераздирающие рыдания.

Малянов тяжело вздохнул, смял чертеж с красным контуром, бросил бумажный комок на пол и, растирая полотенцем спину, направился на кухню.

Все уладилось, впрочем, наилучшим образом. Они вкусно и с аппетитом поужинали, выпили водочки из роскошной импортной бутылки, потом откупили хвanchкару. Лидочка покраснелась, развеселилась и чудо как похорошела. Малянов в свежей белой сорочке и причесанный выглядел почти элегантным – мешала, однако трехдневная щетина. Разговоры велись самые легкомысленные. Например, о ложной памяти.

– Да нет же, Дмитрий Алексеевич! Я все помню совершенно отчетливо! И эту вашу ярко-желтую рубашечку, и голос ваш, и какие стихи вы мне читали над морем...

– Какие же?

– «Старый бродяга в Аддис-Абебе, покоровший многие племена...»

– Гм. Мо-от быть, мо-от быть... Но, золотко мое...

– Ирина нас познакомила, а потом сама же и ревновала ужасно...

– Вполне! Вот это – вполне! Очень похоже на мою первую жену. Но, Лидочка, поймите... Да, я люблю женщин. К чему скрывать? И они меня любят. И у меня было их много. И моей первой жене это чертовски не нравилось... Но, деточка, не настолько же много их у меня было, чтобы я забывал целые эпизоды!

– А как пограничники за нами гнались, тоже не помните?

– Нет. А почему это за нами вдруг погнались пограничники?

– Мы сидели с вами на пляже поздно вечером. Они прошли мимо, а вы прошептали им вслед таким зловещим шепотом, на весь пляж: «Место посадки обозначьте кострами...»

Малянов радостно ржал, мотал щеками и приговаривал:

– И все-таки не было этого ничего. Не было! Ложная память, дитя мое, ложная память... Это все вам приснилось...

Лидочка с почти священным трепетом рассматривала пустой уже панцирь омара, в то время как Малянов излагал ей предысторию сегодняшнего ужина.

– ...И вино, и водка, и зелень, и все эти вкусности... Представляешь, мать? – они уже были на ты.

– И все оплачено?

– И все оплачено! Кем? Не знаю. Как это все получилось? Представления не имею...

– Но ведь ты понимаешь, Митя, что так не бывает. Даром ничего не бывает. За все приходится когда-нибудь платить. И хорошо, если деньгами. Потому что если не деньгами, то чем же?

Лидочка говорила все это так серьезно, с такой неожиданной печалью и горечью в голосе, что Малянов, убравший столовой ложкой остатки салата, приостановил свое занятие и посмотрел на нее с сомнением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.